

Живет в Красноярске (Россия).

ПЕТАНК

Петанк

Ветер, несущий просторное имя,
из моря, из мифов, непереваемое,
взбил пенку теней, клёкот листьев и сбразил
пахучие краски
дичка-мандарина, золы, кофе, спаржи,
отринутой с миной малым. В битой чашке
местечка без глянца, на куцей площадке
шесть белых персон, запечённых в фаянсе,
играют в петанк в ритме старого вальса.
Прищур, жест тигриный – с руки медный шар
летит гиперβολно. Почти не дыша,
следят человеки как медь в высшей точке
кольнёт точно память лучом и всё проще
приходят основы наук, войн, историй –
законы сыпучего и траекторий.
Малой мой, отвергший изысканность спаржи,
на радужки ловит обрывки спирали.

Расчёты окончены. Шестеро чинно
сидятся. Затих тут же ветер учтивый,
и стынет молчанье в зауженных джезвах
забытого в креслах-веках человечества.

метакса кофе перье сигареты
петанк на корфу бессмертные

Толстая Берта

Я выгрызаю яблоко.
В яблоке много железа –
это полезно.
Ты упиваешься тыблоком.
В тыблоке много свинца –
революция.

Толстая-толстая Берта,
язычком поправляя брекетты,
обсасывает сливы.
Она такая красивая!
И сплёвывает косточки.
Очень красивая. Очень.

Эту пухлую гретхен
в полосатом платице с бантом
я непременно встречу.
У бара.
Железным обрезком врежу
в левое полушарие
и её,
такую красивую, -
изнасилую.

Теорема Ферма

Когда лопнет моя голова
и бесщётное количество чертенят
разлетится
то по восходящим, то по пикирующим траекториям,
не ищите их, ликуя и скорбя,
ни в Строгино, ни в Токио, ни в Претории.
Они сами слетятся в одну большую сияющую точку -
ту,
что Знающие называют теоремой Ферма.
Ночью.

